

НАЧАЛО ЭСЕРОВСКОГО ТЕРРОРА

Аннотация.

Актуальность и цели. В начале XX в. революционный терроризм захлестнул Россию. Доминантным был террор партии эсеров. Этим определяется необходимость исследования его начального этапа. Цель работы заключается в исследовании эволюции воззрений эсеров на террор и формирования специализированной организации террористов – Боевой организации.

Материалы и методы. Исследовательские задачи реализовывались в первую очередь на основе источников партийного происхождения (программные заявления, теоретические сочинения, агитационная и пропагандистская литература), документов официального делопроизводства, судебно-следственных материалов, периодической печати, мемуаров, писем. В значительной части эти источники впервые вводятся в научный оборот. Методологический потенциал включает в себя системный, историко-генетический, историко-сравнительный методы.

Результаты. Исследовано отношение к революционному терроризму эсеровских организаций на рубеже XIX–XX вв., в момент образования и в первый период существования партии, прослежена история становления организации террористов, подготовки и осуществления первых покушений; определены роль лидеров партии в подготовке и развертывании эсеровского террора и круг лиц, вовлеченных в подготовку и осуществление первых покушений, осуществленных от имени партии эсеров.

Выводы. Становление эсеровского терроризма проходило в контексте специфических настроений определенной части русского общества. Инициатива формирования организации эсеров принадлежала небольшой группе, действующей, особенно на первых порах, в значительной мере на свой страх и риск.

Ключевые слова: эсеры, терроризм, террор, покушение, Боевая организация.

М. И. Leonov

THE BEGINNING OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY TERROR

Abstract.

Background. At the beginning of the 20th century, revolutionary terrorism swept Russia. The terror of the Socialist-Revolutionary Party was dominant. This determines the need to study its initial stage. The aim of the work is to study the evolution of the SR's views on terror and the formation of a specialized organization of terrorists – the Combat Organization.

Materials and methods. The research tasks were implemented primarily on the basis of sources of the party origin (program statements, theoretical works, agitation and propaganda literature), official records, forensic materials, periodicals, memoirs, letters. To a large extent these sources have been introduced for the first time into scientific circulation. The methodological potential included systemic, historical-genetic, historical-comparative methods.

Results. The author has considered the attitude to the revolutionary terrorism of the Socialist-Revolutionary organizations at the turn of the 19th and 20th centuries – at the time of formation and during the first period of the party's existence, the history of the organization of terrorists, the preparation and implementation of the first attempts. The role of the party leaders in the preparation and deployment of the Socialist-Revolutionary terror has been determined, and the circle of persons involved in the preparation and implementation of the first terroristic attempts carried out on behalf of the Socialist-Revolutionary Party has been defined.

Conclusions. The formation of the Socialist-Revolutionary terrorism took place in the context of specific moods of a certain part of the Russian society. The initiative to form the organization of the Socialist Revolutionaries belonged to a small group operating, especially at first, largely at their own peril and risk.

Key words: SRs, terrorism, terror assassination, Combat Organization.

Россию начала XX в. захлестнула волна революционного терроризма. «Каждый божий день – по несколько убийств, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало <...> – ужасался начальник наружного отделения Департамента полиции Е. П. Медников. – Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас» [1]. Доминантным был террор партии эсеров.

Суть индивидуального политического террора в России словарь Брокгауза и Эфрона определял как «систему борьбы против правительства, состоящую в организации убийств»; а словарь Граната – как «систему насильственных мер (убийства и пр.), применяемых политической группой или партией к своим политическим противникам». Образованное общество пореформенной России в значительной и со временем во все увеличивающейся своей части (интеллигенции в «веховском» смысле этого слова) болезненно реагировало на жизненные неурядицы, главным виновником которых ему представлялась существовавшая власть. Полагалось само собой разумеющимся, что это, в его глазах, уродливое скопище самого безобразного необходимо устранить, уничтожить; что целесообразно, разумно, оправданно убивать представителей власти.

Первые террористы XX в. – одиночки. Дважды исключавшийся из университетов П. В. Карпович 14 февраля 1901 г. смертельно ранил министра народного просвещения, профессора Н. П. Боголепова; акцизный чиновник В. В. Михалевский 21 января 1902 г. намеревался убить московского оберполицмейстера Д. Ф. Трепова ножом; статистик самарской земской управы Н. К. Лаговский в ночь с 8 на 9 марта 1902 г. стрелял в окно обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева; бывшая курсистка Е. А. Алларт 18 марта 1902 г. пыталась убить Д. Ф. Трепова из испорченного револьвера. Революционеры и либералы превозносили «героя» П. В. Карповича и других террористов [2]. По характеристике помощника московского генерал-губернатора А. Г. Булыгина, эти покушения указывали «на возбужденное настроение известной части общества и, как всегда бывает, на психическую заразу людей, склонных под впечатлением потрясающих событий мыслить в одном известном направлении».

Каковы были устремления эсеров накануне образования партии? Страстной поборницей террора являлась Рабочая партия политического освобождения России; Союз социалистов-революционеров и его Саратовская и Пен-

зенская группы разделяли террористические установки «Народной воли». Декларировали свои террористические убеждения Петербургская и Воронежская группы партии социалистов-революционеров. Киевская организация, с весны 1898 г. самая значимая в партии эсеров, отвергая террор в настоящем, на будущее не зарекалась. 18 марта 1897 г. она сочла «долгом своим напомнить о героях и борцах 1 марта 1881 г.», в марте 1901 г. восхваляла «высокий подвиг Карповича» и «самопожертвование Лаговского»; в марте 1902 г. Киевский комитет призывал «мстить, мстить без жалобы и пощады» властям, полиции и казакам за разгон демонстрации 2–3 февраля 1902 г. [3]. Делегаты всех пяти съездов партии эсеров дискутировали о терроре. В «Манифесте партии социалистов-революционеров» о терроре не упоминалось. Впрочем, как те, кто считал необходимым декларировать в программном заявлении партии эсеров приверженность к политическому террору, так и те, кто считал это несвоевременным, не собирались «разводиться» из-за террора. В этом отношении показателен тот факт, что феврале 1901 г. партия эсеров решила инкорпорировать Рабочую партию политического освобождения России.

В августе 1900 г. М. М. Мельников, один из лидеров харьковской организации, на вопрос Г. А. Гершуни об отношении к террору отвечал, что партия эсеров не видит возможности «начинать партийную террористическую борьбу», но доброжелательно отнесется к политическим покушениям как одиночек, так и «специально созданных организаций» и выпустит листки «на тему, что при существующей системе политического гнета террористические вспышки вполне понятны и неизбежны»; а к сентябрю 1901 г. он был «согласен» с Г. А. Гершуни «относительно сферы боевой деятельности» [4, л. 7–10].

Группа старых народовольцев и Союз русских социалистов-революционеров придерживались программы Исполнительного комитета «Народной воли», но при этом подчеркивали, что «систематический террор может оказаться целесообразным лишь в руках организованной партии» и что «не из-за границы» будут призываться люди к террору. Приверженцами террора были будущие лидеры партии эсеров М. Р. Гоц и В. М. Чернов. Члены Фонда вольной русской прессы и Аграрно-социалистической Лиги А. Н. Бах, Н. В. Волховский, Н. В. Чайковский, Л. Э. Шишко считали пропаганду террора «в данный момент» нецелесообразной [5]. Неистово проповедовал террор В. Л. Бурцев. Другие «старые народовольцы», в частности Е. Е. Лазарев, Е. Д. Степанов, А. Л. Теплов, а также М. Р. Гоц, отмежевались от прокламируемого им «вызова на террор». Изданный В. Л. Бурцевым в апреле 1897 г. «Народоволец» взорвал эмиграцию. «Я не согласен с Вашим систематическим террором», – откликнулся Е. Е. Лазарев. Группа старых народовольцев публично осудила Бурцева за «бомбизм» и дискредитацию народовольчества. «Не следует витийствовать о терроре из-за границы», – наставляли они его [6; 7].

Предтечей Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО), с которой ассоциируется эсеровский террор, явился киевский кружок сестер-акушеров Рабинович. В Киеве зимой-весной 1901 г. Д. В., Р. В. и Х. В. Рабинович, артист Т. С. Бартошкин, поручик Е. К. Григорьев, его гражданская жена Ю. Ф. Юрковская и Ф. Ф. Юрковский на конспиративной квартире вели разговоры о покушениях. В апреле-мае 1901 г. к ним присоединился Г. А. Гершуни. Говорили об убийстве К. П. Победоносцева и С. В. Зубато-

ва. В убеждении, что С. В. Зубатов постоянно ходит в кольчуге, заговорщики планировали действовать отравленным кинжалом. Под Киевом нашли человека, готового совершить покушение, однако действовать отравленным кинжалом он в последний момент отказался. Денег заговорщикам не доставало. Дело дошло до того, что Т. С. Бартошкин просил у Е. К. Григорьева 30 руб. для «исполнителя», но получил отказ. Деньги выдал Гершуни. Д. В. и Р. В. Рабинович и Т. С. Бартошкин оставались доверенными Г. А. Гершуни вплоть до его ареста 13 мая 1903 г. [8, л. 9–32; 9].

Осенью 1901 г., подготавливая объединение эсеров, Г. А. Гершуни, П. П. Крафт и М. М. Мельников одновременно договаривались и о создании организации террористов; подыскивали (без особого успеха) «исполнителей», а также тех, кто способствовал бы, прежде всего деньгами, реализации их замыслов. В курсе их замыслов была убежденная террористка Е. К. Брешко-Брешковская. Первыми жертвами должны были стать министр внутренних дел Д. С. Сипягин и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Кандидатов на роль «исполнителей» было трое: Е. К. Григорьев, Т. С. Бартошкин и Ю. Ф. Юрковская. Другие, в их числе Н. В. Коршун, отказались участвовать в покушениях [4, л. 7–10; 10, л. 10].

Летом-осенью Г. А. Гершуни, М. М. Мельников, П. П. Крафт, а также Е. К. Брешко-Брешковская объезжали эсеровские организации, склоняя их объединению. В конце ноября 1901 г. Г. А. Гершуни выехал за границу, намереваясь завершить создание партии. В Берлине Г. А. Гершуни, позиционирующий себя в качестве представителя партии социалистов-революционеров и эсеров Саратова, Е. Ф. Азеф и М. Ф. Селюк, полномочные представители Союза социалистов-революционеров, в течение нескольких дней вели беседы, в результате которых договорились считать, что слияние партии и Союза эсеров, а следовательно, и образование партии социалистов-революционеров состоялось; определили контуры Центрального комитета и других центральных органов партии; решили впредь издавать «Революционную Россию» от ее имени, привлечь к редактированию газеты М. Р. Гоца и В. М. Чернова, получить согласие редакции «Вестника русской революции» быть теоретическим органом партии; инкорпорировать в состав партии Аграрно-социалистическую Лигу и Союз русских социалистов-революционеров; наладить транспорт литературы в Россию.

Дальнейшие переговоры велись в Женеве, Париже и Берне. От партии эсеров в них принимали участие Е. Ф. Азеф и Г. А. Гершуни, а от эмигрантских организаций и изданий М. Р. Гоц, В. М. Чернов, Х. И. Житловский, М. А. Розенбаум, Х. Л. Раппопорт, Н. С. Русанов, С. Н. Слетов, Л. Э. Шишко, И. А. Рубанович, Л. Г. Азеф, В. С. Житловская, А.-Е. Г. Левит. В курсе переговоров были Ф. В. Волховский, Н. В. Чайковский, Е. Е. Лазарев, А. Н. Бах, А. А. Чепик и А. В. Огарков. «Соглашение, по словам Л. Э. Шишко, было полное» [11, с. 47, 48].

Камнем преткновения террор стал при попытке инкорпорировать Аграрно-социалистическую Лигу. Противники «программного террора», как предупреждал член Лондонской группы Лиги Л. Э. Шишко, покинут ее. «Я против террора, – заявлял он, – п.[отому] ч.[то] ставлю в основу революц.[ионного] движения в России теперь массовое рабочее движение и считаю, что совместить с ним террор невозможно». Л. Э. Шишко полагал, что

террор потребует огромных усилий революционной интеллигенции, «что отзовется оч.[ень] невыгодно на успехах рабочего движения». Лондонская группа Аграрно-социалистической Лиги на заседании 22 января 1902 г. солидаризировалась с ним [12, л. 136, 137, 179].

Позиция остальных участников переговоров была зафиксирована в передовой статье № 3 «Революционной России», вышедшей от имени объединенной партии в январе 1902 г. в Париже: «Признавая в принципе неизбежность и целесообразность террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к ней тогда, когда, при наличии окружающих условий, она признает это возможным» [13, с. 7]. Не счесть суждений о том, что текст этот запечатлел компромисс террористов (Союз эсеров) и нетеррористов (партии эсеров). На самом деле приведенный выше пассаж – перепечатка из передовой статьи третьего номера «Революционной России» органа Союза социалистов-революционеров, подготовленного и частично отпечатанного в России. Автор ее – А. А. Аргунов. М. Е. Аргунова переписала автограф для набора. Полиция изъяла как отпечатанный, так и рукописный материалы № 3 «Революционной России» (дубликаты материалов этого номера были переправлены за границу при посредстве Е. Ф. Азефа). Вот как все выглядело в протографе: «Подчеркивая необходимость террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к осуществлению ее в тот момент, когда, при наличии окружающих условий, она признает это целесообразным» [14]. Некая редакторская правка выразилась в переносе слова «целесообразность» из конца предложения в начало; замене слов: «необходимость» – «неизбежность и целесообразность», «целесообразным» – «возможным». Также трактовал террор и «Вестник русской революции», «руководящие принципы которого вполне разделяются партией», как говорилось в «Сообщении» об образовании партии эсеров.

По завершении переговоров об образовании партии Г. А. Гершуни 13 или 14 января 1902 г. направился Россию, объехал города, где находились самые значимые организации эсеров, и в конце января появился в Петербурге. Там с лета 1901 г. жили Т. С. Бартошкин, Е. К. Григорьев и Ю. Ф. Юрковская. Во время регулярных встреч с ними он выставлял действия властей в таком свете, что у них «от негодования кровь бросалась в голову»; в эти дни пребывания в Петербурге Г. А. Гершуни о подготовке к конкретному покушению речь не вел [8, л. 12].

В первых числах февраля 1902 г. он выехал из Петербурга. Между февралем и началом марта Г. А. Гершуни, П. П. Крафт и М. М. Мельников договорились об организации покушения на Д. С. Сипягина, получили согласие С. В. Балмашева участвовать в покушении, составили и переслали в конце марта организатору типографии партии эсеров в Пензе Б. Ф. Тарасову прокламацию, наказав приступить к ее печатанию, как только телеграфные агентства передадут сообщения о покушении на министра внутренних дел [15, л. 58]. Источники не дают определенного ответа на вопрос, вел ли переговоры с С. В. Балмашевым, кроме Г. А. Гершуни, также и П. П. Крафт; М. М. Мельников с С. В. Балмашевым в 1902 г. не встречался.

С. В. Балмашеву, сыну народника, в феврале-марте 1902 г. было 20 лет. Судя по отзывам, он «был веселого характера, без определенных убеждений и легко подчинялся чужому влиянию», был склонен к экстраординарным по-

ступкам, жил на стипендию Саратовского депутатского собрания (250 руб. в год). С 1901 г. также получал пособие Саратовского общества вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию (10 руб. в месяц). Учился он сначала в Казанском, затем в Киевском университетах, примыкал к организациям социал-демократического толка. За участие в студенческих волнениях в декабре 1900 г. был отчислен из Киевского университета и отправлен на один год на службу в Невский пехотный полк. 23 января 1901 г. он «принес несколько стеклянных трубочек, наполненных зловонной жидкостью, которые раздавил в шинельной университета в целях прекращения занятий». Его арестовали и заключили в Лукьяновскую тюрьму, а 10 апреля 1901 г. по окончании дознания под конвоем направили отбывать воинскую повинность в г. Рославль Смоленской губернии. В Рославле его сразу положили в лазарет, а в конце того же апреля «по болезни» уволили со службы. В конце августа 1901 г. Балмашеву разрешили вернуться в Киев и восстановиться в университете; 6 декабря 1901 г. он без разрешения выехал в Саратов и прибыл туда 10 декабря. 20 декабря 1901 г. он обратился с прошениями к Саратовскому полицмейстеру и начальнику Киевского жандармского управления генерал-майору В. Д. Новицкому разрешить ему «по болезни» остаться в Саратове. К прошениям была приложена справка, выданная городским врачом Соколовым. В. Д. Новицкий позволил ему остаться в Саратове до 15 марта 1902 г. [16].

В Саратове С. В. Балмашев с товарищами в январе 1902 г. организовал Ремесленный социал-демократический союз, в кружках которого он «не без успеха» вел занятия, поместил в гектографированном «Ремесленном листке» статью «Как наши ремесленники могут улучшить свое положение». О террористических замыслах С. В. Балмашев друзьям не говорил, но повторял: «Устал... надоело жить» [17, с. 8, 9].

Согласно опубликованным в 1924 г. воспоминаниям И. И. Ракитниковой, Г. А. Гершуни в 1902 г. рассказывал Л. П. Буланову о своих встречах с Балмашевым в Киеве, а также дотошно расспрашивал о том, какое впечатление тот произвел на Л. П. Буланова и С. Г. Клитчоглу, которые одобряли намерения Балмашева совершить покушение на Д. С. Сипягина и даже снабдили его деньгами. Показания И. И. Ракитниковой судебно-следственной комиссии по делу Азефа и ее многостраничные неопубликованные воспоминания не содержат этих эпизодов. Скрупулезное следствие не выявило «прямых указаний на инициативу» членов Саратовской организации эсеров в организации покушения на Д. С. Сипягина или «подстрекательство» к нему [18; 19].

15 марта 1902 г. С. В. Балмашев, объявив, что направляется в Киев, выехал из Саратова. Г. А. Гершуни следовал за ним. Прибыв в Петербург 24 марта, они «изучили план нападения и топографию», а затем выехали в Выборг, где с 26 марта жили в соседних номерах гостиницы «Сосьете» (Societets). По настоянию Г. А. Гершуни С. В. Балмашев написал для последующей публикации письмо к родителям. Накануне покушения Г. А. Гершуни вручил ему семизарядный браунинг, у которого спилил номера, снял «щеки». Он же крестообразно распилил головки патронов, так что они «по характеру своему несколько приближались к так называемым пулям “дум-дум”», а разрез заполнил смесью стрихнина и вазелина.

Около часу дня 2 апреля 1902 г. С. В. Балмашев, одетый в форму поручика-адъютанта, с большим конвертом в руках вошел в подъезд здания Комитета министров. Осмотревшись, спросил швейцара, отставного унтер-офицера Г. М. Лукьянова, здесь ли министр внутренних дел, которому он должен передать пакет от великого князя Сергея Александровича. Получив ответ, что министр еще не появлялся, остался ждать. Через четыре минуты Д. С. Сипягин в сопровождении «выездного» Боброва вошел в подъезд. Балмашев со словами: «У меня нужные бумаги Вашему Высокопревосходительству от великого князя Сергея Александровича», – направился навстречу к нему, протянув левую руку с пакетом. Министр остановился и переспросил: «От кого?» Балмашев дважды выстрелил. Сипягин упал. Лукьянов схватил террориста за правую руку, но прежде, чем успел вырвать пистолет, раздались еще два выстрела, которыми Бобров был ранен в грудь. Балмашев не пытался бежать, был как-то отрешенно спокоен, успокаивал Лукьянова, уговаривая не держать его, говорил, что уже не уйдет: «Я сделал все, что мне было нужно». Его волновало лишь, сказал ли он сразу после покушения: «Так поступают с врагами народа» или хотя бы: «С такими людьми так и нужно поступать» [20, л. 13–15, 96–101].

Г. А. Гершуни выехал из Финляндии на том же самом скором поезде, что и С. В. Балмашев, и в момент покушения находился на площади у здания Комитета министров.

На другой день, 3 апреля 1902 г., в Петербурге появилась размноженная на циклоstile прокламация о покушении на министра внутренних дел. Эта и другие прокламации, изданные типографией социалистов-революционеров, типографией партии социалистов-революционеров (Пензенская типография), а также отпечатанные рядом организаций на mimeографе и гектографе, стереотипны по содержанию, датированы 3 апреля 1902 г. и подписаны либо «Боевая организация социалистов-революционеров», либо «Боевая группа социалистов-революционеров» [21].

Российские партийные организации и эсеровская эмиграция до середины апреля знали о покушении только то, о чем сообщали информационные агентства. Лидеры партии вопрошали Е. Ф. Азефа, не знает ли он какие-либо подробности. Не помог им Азеф. Он знал столько же. Лишь в середине апреля эсеры-эмигранты получили прокламацию, которая давала основания заключить, что, возможно, Балмашев действовал от имени партии эсеров или при ее содействии. Позднее М. Р. Гоц писал: «Все ждали от нас заявление о Сипягине, а мы ничего не знали». В. М. Чернов вторил ему: «К нам долго не доходили письма Гершуни, и мы находились в большом затруднении: акт произошел, Сипягин убит, мы должны откликнуться, а письма никакого нет». Киевский комитет 5 апреля 1902 г., «радостно» сообщая о «казни министра внутренних дел Сипягина», продолжал: «Мы не знаем, в силу каких побуждений действовал тот, чье имя нам неизвестно» [4, л. 3, 4].

В Петербурге дело развивалось в жанре полицейского детектива. Г. А. Гершуни наказал своей доверенной, видному члену эсеровской организации фельдшерице Исидоровского женского епархиального училища Л. А. Ремянниковой оповестить эсеровскую эмиграцию. Она переписала рукописи «Казнь министра», «Письмо Степана Балмашева к родителям», вложила их вместе с прокламацией Боевой организации социалистов-револю-

ционеров от 3 апреля 1902 г. в конверт и отнесла на почту. Однако политический сыск в течение длительного времени бдительно следил за действиями чрезвычайно активной эсерки и получил разрешение на выемку и досмотр ее корреспонденции. Адресованный в Париж пакет с прокламацией и двумя рукописями, написанными рукой Л. А. Ремянниковой, 5 апреля 1902 г. был задержан на Петербургском почтамте [8, л. 28, 29].

Г. А. Гершуни, выехав из Петербурга около 6 апреля 1902 г., прибыл в Пензу 8 апреля и передал в общепартийную типографию рукопись прокламации «Они этого хотели, и они этого дождались» с подписью «Боевая организация партии социалистов-революционеров». Гиперболы и экспрессивные метафоры типа: «Повсюду свистят нагайки и сверкают шашки»; «Сипягин заявил, что он кровью зальет Петербург при первой же попытке к новой демонстрации»; «университеты превратили в дворы для постоя солдат и полиции, убили земство и уничтожили суд»; «считаем своей священной обязанностью»; «за проливаемую народную кровь платить кровью его угнетателей»; «Свист пуль – вот единственный возможный теперь разговор» – свидетельство авторства Гершуни [21]. Эта листовка стала канонической и переиздавалась бесчисленное количество раз. Датированная 3 апреля 1902 г., она на самом деле была издана в конце месяца, «так как партия долго не решалась принять факт на себя». «Громадная потеря, что партия не взяла на себя это дело, не издала прокламации», – писал вскоре после того, как ситуация прояснилась, М. Р. Гоц [22, л. 4].

Публикация прокламации «Они этого хотели, и они этого дождались» явилась объявлением о существовании Боевой организации партии социалистов-революционеров.

По версии М. М. Мельникова, после убийства Д. С. Сипягина он и Г. А. Гершуни в помещении Пензенской типографии «проредактировали» первоначальный, «мимеографический» текст воззвания. «Мне, – повествовал Мельников, – пришлось уговаривать Гершуни выкинуть из подписи слово «партия, т.е. вместо «Б.О.П.С.Р.» поставить «Б.О.С.Р.» Потом, якобы, Гершуни восклицал: «У меня тут лучше было». Б. Ф. Тарасов излагал события так: узнав 3 апреля 1902 г. об убийстве Д. С. Сипягина, он вместе с другими членами типографии и М. М. Мельниковым немедленно приступил к печатанию воззвания. Г. А. Гершуни (Бацилла) приехал тогда, когда воззвания от имени Боевой организации социалистов-революционеров и Боевой группы социалистов-революционеров были размножены и стали распространяться [4, л. 13; 9]. Дискуссия, о которой сообщал М. М. Мельников, по всей видимости, состоялась в марте, а не в апреле 1902 г.

В заботах о С. В. Балмашеве Г. А. Гершуни не забывал Е. К. Григорьева и Ю. Ф. Юрковскую; 3 апреля показал им свежееотпечатанную прокламацию об убийстве Д. С. Сипягина и предложил совершить покушение на обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и Петербургского градоначальника Н. В. Клейгельса. А они горели желанием принести свои жизни на алтарь светлого будущего.

План одновременного покушения на министра внутренних дел и обер-прокурора Синода Г. А. Гершуни вынашивал еще до 2 апреля 1902 г. Был у него на примете и второй наряд с С. В. Балмашевым «исполнитель», чье имя кануло в Лету. Он, по словам Г. А. Гершуни, случайно не прибыл во

время, а по словам Е. К. Брешко-Брешковской, в последний момент «решимость ему изменила». С. В. Балмашев согласился стрелять либо в Сипягина, либо в Победоносцева «в зависимости от того, которое бы из этих лиц первым встретилось», и в Выборгской гостинице надписал конверты как на имя первого, так и на имя второго [20, л. 28].

Покушение на К. П. Победоносцева и Н. В. Клейгельса было назначено на 5 апреля 1902 г., день похорон Д. С. Сипягина. Г. А. Гершуни сам снарядил Е. К. Григорьева и Ю. Ф. Юрковскую: распилил головки пуль подпилком, смазал разрезы смесью вазелина и стрихнина, вырезал на револьвере надпись «Так казнят врагов народа», выдал 50 руб. и наказал в случае, если им после покушения удастся скрыться, ехать в Пензенскую типографию. По его настоянию Е. К. Григорьев сделал набросок прощального письма. Утром 5 апреля 1902 г. между девятью и десятью часами утра Е. К. Григорьев в форме офицера, а Ю. Ф. Юрковская в форме гимназиста, вооруженные пистолетами с отравленными пулями, вышли из дома. Г. А. Гершуни следовал за ними. В последний момент решимость изменила террористам. На другой день Г. А. Гершуни, не выказывая недовольства, строил планы новых покушений с участием Е. К. Григорьева и Ю. Ф. Юрковской, а после своего отъезда из Петербурга перепоручил их М. М. Мельникову [8, л. 5–14].

Из Пензы Г. А. Гершуни направился в объезд организаций; 20 апреля из Киева за подписью «Веров» отправил в «Революционную Россию» корреспонденцию о революционных выступлениях в Одессе и Гомеле, но о покушении на Сипягина умалчивал. В мае 1902 г. он прибыл за границу и ввел лидеров партии в курс дела. В частности, ознакомил их с листовками «Они этого хотели, и они этого дождались», «Казнь министра» и рукописью об истории покушения 2 апреля и Боевой организации, публикацию которой пришлось отложить из-за энергичной и страстной кампании социал-демократов.

Первые месяцы 1902 г. «Искра» не обращала особого внимания на партию эсеров. «Массовому революционному террору» искровцы поклонялись, к индивидуальному террору относились довольно благодушно. В № 1 «Искры» Ю. О. Мартов предостерегал против увлечения им и вместе с тем был решителен: «Террористическая борьба со шпионами есть неизбежное следствие самой шпионской системы». П. Б. Струве во втором номере «Искры» одобритительно отзывался о «геройском революционном движении народовольцев». По В. И. Ленину социал-демократы принципиально не отказывались и не могли отказываться от террора, однако при данных обстоятельствах они считали индивидуальный террор несвоевременным и нецелесообразным. «Умерщвление не убийство», – объявил после убийства Д. С. Сипягина Г. В. Плеханов [23, с. 12; 24, с. 5; 25, с. 10; 26, с. 2].

Картина решительно изменилась с середины 1902 г. после того, как эсеры объявили о своих претензиях на подготовку и совершение покушения на Д. С. Сипягина и выявилось тяготение к ним части пылкой революционной молодежи. Партия эсеров превращалась в опасного социалистического конкурента, и социал-демократы развернули кампанию дискредитации ее программы и тактики, в особенности партийного индивидуального террора. С середины 1902 г. «Искра» в каждом номере помещала три, а то и четыре резко критических статьи против эсеров. Несчетное количество раз повторялось, что убийство совершил беспартийный студент, а «мелкобуржуазные

социалисты», эсеры, сугубо интеллигентская партия, «в рекламных целях» «незаконно» приписали покушение себе и «доселе неизвестной Боевой организации». «Революционная Россия» отвечала, но не столь интенсивно и энергично. Склока социалистов страстностью, взаимной неприязнью и набором оскорблений напоминала «раскол в нигилистах» 60-х гг. XIX в.

«Искра» интерпретировала покушение Балмашева как реакцию беспартийного студента на «правительственные зверства». Эсеры обиделись. «Боевая организация партии социалистов-революционеров», посчитав себя «вынужденной объясниться», заявляла: С. В. Балмашев убил Д. С. Сипягина «не как студент, а как член Боевой организации Партии Социалистов-Революционеров, по ее постановлению и при ее непосредственном содействии» [27, с. 6]. В № 23 «Искры», помеченном 1 августа 1902 г., Г. В. Плеханов обстоятельно пояснил, что на суде С. В. Балмашев ни единым словом не упомянул о «Боевой организации партии социалистов-революционеров». «И, по-видимому, – с изрядной долей сарказма продолжал старейшина марксистов России, – ему осталось неизвестным само существование этой организации с ее постановлениями» [28, с. 4].

Действительно, ни на следствии, ни во время суда, ни в «Письме к родителям» С. В. Балмашев ни словом не обмолвился ни о партии эсеров, ни о Боевой организации. Многие годы эсеров, самых видных в том числе, волновал вопрос, почему он не признал себя ни эсером, ни членом Боевой организации? Любопытен обмен репликами между Я. Л. Юделевским (Липиным) и В. В. Лункевичем (Бергом) на заседании судебно-следственной комиссии по делу Азефа. «Зачем понадобилось, – вопрошал Юделевский, – чтобы Балмашев на суде говорил, что он делает это от своего имени? Конечно, объясняли это так, что тогда еще не появилось общественное мнение, что еще не знали, какой эффект произведет это дело на общественное мнение». Члены судебно-следственной комиссии считанное число раз прерывали показания. В данном случае В. В. Лункевич счел нужным вмешаться и подал реплику: «Я слышал от Гершуни, что было так, что если акт будет удачным, то он (С. В. Балмашев. – *М. Л.*) скажет, что действовал от имени партии, а если неудачный, то заявит, что это его частное дело». Эмоциональный Я. Л. Юделевский не остановился: «Я спрашивал Чернова, как объяснить такую ужасную вещь? Он говорил, что “мы не знаем, мало ли что пишут о том, что он там говорил”».

Следует отметить, что в прокламациях, написанных Г. А. Гершуни, М. М. Мельниковым, П. П. Крафтом как до, так и после покушения, прямо не указывалось, что оно было совершено членом Боевой организации партии социалистов-революционеров, по ее постановлению (приговору). Даже в канонической прокламации «По делам вашим воздастся вам» в тексте лишь раз упоминалась фраза «мы, социалисты-революционеры»; о покушении же написано: «Отчаянно смелый и блестяще выполненный акт революционера Степана Валериановича Балмашева». Желание Г. А. Гершуни, П. П. Крафта и М. М. Мельникова связать воедино покушение С. В. Балмашева, партию эсеров и Боевую организацию несомненно. Убеждали ли они его недвусмысленно презентовать себя эсером, членом Боевой организации, выполнявшим ее «приговор» или таких бесед не было? Ответил ли С. В. Балмашев решительным отказом? Это вопросы гипотетические. Свидетельств на этот счет орга-

низаторы покушения не оставили. Несомненно одно: С. В. Балмашев имел по этому вопросу свое особое мнение [29, с. 72, 73].

В августе 1902 г. Г. А. Гершуни и В. М. Чернов «нашли не лишним сообщить нашим читателям некоторые сведения о возникновении и первых шагах» Боевой организации. Вот что они писали. Летом-осенью 1901 г. «несколько членов партии» создали конспиративную и «строго обособленную» «Боевую организацию социалистов-революционеров», которая на первых порах собиралась действовать на свой страх и риск и «могла быть обременена известными полномочиями со стороны всей партии» только после того, как проявит себя «действительно достойной славным традициям Исполнительного Комитета Народной Воли». Тогда она становилась «центральным боевым органом» и получала право именоваться «Боевой Организацией Партии Социалистов-Революционеров». «Инициативная группа», «Боевая Организация социалистов-революционеров» в сентябре 1901 г. «была совершенно сформирована, вынесла смертный приговор министрам Сипягину и Победоносцеву... наметила исполнителей». В ее состав вошел С. В. Балмашев. «В средних числах февраля» 1902 г. он «скрылся из Саратова», прибыл в Петербург 24 марта 1902 г., «хорошо изучил план нападения и топографию» и выехал в Выборг. «Убийство Сипягина, – продолжали они, – своей современностью, обдуманностью плана и соответствием с общепартийным настроением произвело такое сильное впечатление на революционные круги и общество, что... через несколько дней Партия Социалистов-Революционеров формально передала заведование всей непосредственно-боевой террористической деятельностью Боевой Организации социалистов-революционеров», облачила ее «широкими полномочиями на будущее время» и переименовала в «Боевую Организацию Партии Социалистов-революционеров» [27, с. 26, 27].

Согласно Гершуни и Чернову, в сентябре 1901 г. поступило предложение принять в Боевую организацию «нового члена на активную роль – С. В. Балмашева». «Искра» опровергла свидетельствами участие С. В. Балмашева в 1901–1902 гг. в социал-демократических организациях Киева и Саратова. На все это «товарищи С. В. Балмашева по делу 2-го апреля» в июле 1903 г. мимоходом отписали: «Балмашева включили в Боевую организацию в январе 1902 г.» [30, с. 12].

В мае 1902 г. Г. А. Гершуни уполномочил М. Р. Гоца представлять Боевую организацию за границей. В июньском номере «Революционной России» была помещена объемная статья В. М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе», обосновывавшая целесообразность, необходимость и неизбежность террора как средства самообороны, возбуждения революционного настроения, устрашения врагов народа. Особое внимание автор статьи обратил на обоснование моральной мотивации покушений, их нравственное оправдание [31, с. 2–5]. Г. А. Гершуни, редактор этой статьи, агитируя террористов, рисовал перед их взорами картины славы великих мучеников, чьи жертвы будут способствовать освобождению России. Мотивы мести, жертвенности героев, отдавших жизнь за народ, – лейтмотив эсеровских прокламаций, посвященных покушениям.

Мотивированный, рекламируемый в огромном количестве газетных статей, брошюр, листовок террор партии эсеров играл заметную роль в истории России начала XX в.

Библиографический список

1. **Козьмин, Б. С. В.** Зубатов и его корреспонденты / Б. Козьмин. – М. ; Л., 1928. – С. 111.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д. 171. Л. 18.
3. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 6. Ч. 2520.
4. Центр социально-политической истории (далее – ЦСПИ). Отдел редкой книги. ЦЛ. 18. 77. 1897. III. 18.
5. ЦСПИ. Отдел редкой книги. ЦЛ. 18. 217. 3. IV. 1902.
6. ГАРФ. Ф. 1699. Д. 85.
7. ГАРФ. Ф. 1699. Д. 24.
8. ГАРФ. Ф. 1699. Д. 129.
9. ГАРФ. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 99. Л. 4.
10. ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 361. Л. 20.
11. ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 800. Л. 2–4.
12. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993.
13. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 267. Л. 13.
14. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 735.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 6753. Оп. 1. Д. 558.
16. **Леонов, М. И.** Центральные организации партии эсеров в начале XX века / М. И. Леонов // Самарский земский сборник. – 2016. – № 1 (26).
17. ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 134.
18. Революционная Россия. – 1902. – № 3.
19. Революционная Россия. – 1902. – № 7.
20. Революционная Россия. – 1902. – № 11.
21. Революционная Россия. – 1903. – № 27.
22. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1337. Оп. 1. Д. 249.
23. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 66.
24. ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции. 7-е делопроизводство. Оп. 1902 г. Д. 333. Т. 1. Л. 279–282.
25. Искра. РСДРП. – 1900. – № 1.
26. Искра. РСДРП. – 1901. – № 2.
27. Искра. РСДРП. – 1901. – № 4.
28. Искра. РСДРП. – 1902. – № 20.
29. Искра. РСДРП. – 1902. – № 23.
30. Искра. РСДРП. – 1903. – № 34.
31. **Леонов, М. И.** Эсер-террорист С. В. Балмашев на следствии и судебном процессе / М. И. Леонов // Вестник Самарского университета. – 2012. – № 81 (99).

References

1. Koz'min B. S. V. *Zubato v i ego korrespondenty* [S. V. Zubatov and his correspondents]. Moscow; Leningrad, 1928, p. 111.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (dalee – GARF)* [State Archive of the Russian Federation (hereinafter – GARF)]. F. 102. DP OO. Op. 1902 g. D. 171. L. 18.
3. *GARF*. F. 102. DP OO. Op. 1898 g. D. 6. Ch. 2520.
4. *Tsentr sotsial'no-politicheskoy istorii (dalee – TsSPI). Otdel redkoy knigi. TsL* [The Center of Social and Political History (hereinafter – TsSPI)]. 18. 77. 1897. III. 18.
5. *TsSPI. Otdel redkoy knigi. TsL*. 18. 217. 3. IV. 1902.
6. *GARF*. F. 1699. D. 85.
7. *GARF*. F. 1699. D. 24.

8. *GARF*. F. 1699. D. 129.
9. *GARF*. F. 6753. Op. 1. D. 99. L. 4.
10. *GARF*. F. 5802. Op. 1. D. 361. L. 20.
11. *GARF*. F. 5802. Op. 2. D. 800. L. 2–4.
12. *GARF*. F. 124. Op. 1903 g. D. 993.
13. *GARF*. F. 124. Op. 1903 g. D. 267. L. 13.
14. *GARF*. F. 124. Op. 1903 g. D. 735.
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 6753. Op. 1. D. 558.
16. Leonov M. I. *Samarskiy zemskiy sbornik* [Samara zemstvo collection]. 2016, no. 1 (26).
17. *GARF*. F. 5805. Op. 1. D. 134.
18. *Revolyutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia]. 1902, no. 3.
19. *Revolyutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia]. 1902, no. 7.
20. *Revolyutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia]. 1902, no. 11.
21. *Revolyutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia]. 1903, no. 27.
22. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (dalee – RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art (hereinafter – RGALI)]. F. 1337. Op. 1. D. 249.
23. *RGALI*. F. 1337. Op. 1. D. 66.
24. *GARF*. F. 102. *Departament politsii. 7-e deloproizvodstvo* [Police department. Seventh record keeping]. Op. 1902 g. D. 333. T. 1. L. 279–282.
25. *Iskra. RSDRP*. 1900, no. 1.
26. *Iskra. RSDRP*. 1901, no. 2.
27. *Iskra. RSDRP*. 1901, no. 4.
28. *Iskra. RSDRP*. 1902, no. 20.
29. *Iskra. RSDRP*. 1902, no. 23.
30. *Iskra. RSDRP*. 1903, no. 34.
31. Leonov M. I. *Vestnik Samarskogo universiteta* [Bulletin of Samara University]. 2012, no. 81 (99).

Леонов Михаил Иванович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра российской истории, Самарский
национальный исследовательский
университет им. академика
С. П. Королева (Россия, г. Самара,
Московское шоссе, 34)

E-mail: mleonov40@gmail.com

Leonov Mikhail Ivanovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history,
Samara University (34 Moskovskoe
highway, Samara, Russia)

УДК 830.057.634

Леонов, М. И.

Начало эсеровского террора / М. И. Леонов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 14–26. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-2-2